

Мартин Лихтмесц

ЖАН РАСПАЙ И «СТАН ИЗБРАННЫХ»

О знаменитом – или пользующемся дурной славой романе Жана Распая «Стан избранных» («Лагерь святош») можно было бы спокойно вспоминать каждые несколько месяцев. *Sezession im Netz* сделал это в последний раз в июле 2010 по поводу 85-го дня рождения Распая, а газета «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» 25 февраля этого года: «Скоро сотни тысяч североафриканцев смогут постучать в дверь Европы. Один человек предвидел это: Жан Распай еще в 1973 году написал пророческий роман об армаде беженцев».

Этот роман в феврале был снова переиздан во Франции с абсолютно новым предисловием автора, и сразу после появления тотчас же вскарабкался в списки бестселлеров Amazon, где эта книга одно время даже занимала первое место. Причины заново проснувшегося интереса к этому произведению, пожалуй, не требуется разъяснять в подробностях.

В форме свифтовской сатиры Распай описывает, как флот с сотнями тысяч голодающих, больных проказой, отчаявшихся индийцев на борту движется к крепости Европа. Европейские руководители средств массовой информации, священники, интеллектуалы и политики перед лицом этого предстоящего вторжения впадают в подогреваемое пост-колониальными комплексами вины одурманивание «гуманности», которое все больше взваливает на себя апокалипсические ожидания спасения. Объявляется всеобщая мобилизация, но не для того, чтобы защищаться, а чтобы принять угнетенных «братьев» с Востока

с распростертыми объятьями. Между тем миллионы живущих во Франции цветных народов верят, что слышат удар колокола революционного переворота, который сделает их новыми хозяевами белого континента.

Когда флот смерти, наконец, пристает к французскому берегу, то уже вовсе не такая уж славная армия дезертирует перед потоком голодных призраков, которые как зомби из фильмов [Джорджа Ромеро](#) движутся к зернохранилищам и золотым городам декадентского Запада. Только маленькая своенравная группка сопротивляющихся еще находится в конце для безнадежной вооруженной защиты потерянной позиции и последней дыры Запада, которая погибает, наконец, «not with a bang but with a whimper» («не с громом, а со всхлипом»). К тому времени в городах начинаются расовые бунты, почти не встречающие сопротивления.

Распай позже подчеркивал, что «индийцы» в его романе были «pars pro toto», «частью вместо целого», примером совокупности народных масс из Третьего мира. В предисловии к третьему французскому изданию книги (1985) он писал:

«Если книга «Стан избранных» и образует какой-то символ, то здесь не кроется какая-либо утопия, здесь вообще уже больше нет никакой утопии. (...) Хотя действие романа уже было на полном ходу и точно описывалось в соответствии с реальными явлениями (boat people – беженцы на лодках), радикализация магрибских меньшинств во Франции и других групп людей из чужих рас, психологическое влияние гуманитарных обществ, искажение евангелия ответственными священнослужителями, фальшивые ангелы совести, отказ смотреть правде в лицо), конец в действительности происходит не через три дня, но, пожалуй, с уверенностью после многочисленных кризисов в первых десятилетиях третьего тысячелетия, т.е. меньше, чем через два поколения».

Распай уже в 1985 году предупреждал о том, что теперь снова ввиду вездесущего спора об исламизации было высказано *Гуннаром Хайнзоном*:

«Достаточно взглянуть на ужасающие демографические предсказания на следующие тридцать лет, причем упомянутые мною прогнозы еще самые благоприятные. Посреди семи миллиардов человек живут только 700 миллионов белых, из них в нашей маленькой Европе проживает больше не молодая, а очень постаревшая едва ли одна треть, по сравнению с авангардом из почти 400 миллионов магрибинцев и мусульман на противоположном берегу Средиземного моря, из которых пятьдесят процентов моложе двадцати лет, и которые предшествуют прочему Третьему миру. Можно ли при таком несоответствии хотя бы на одну секунду и во имя какой-то страусовой слепоты поверить в выживание? (...)

Я убежден, что во всем мире всё начинается, как в бильярде, где шары сталкиваются друг с другом, после того, как они один за другим пришли в движение после удара кия. Такой толчок мог бы возникнуть в каком-либо резервуаре нищеты и скопления людей как там на берегу Ганга».

Автор «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» Юрг Альтвегг, «левый отчетливо 'антифашистской' ориентации» (Карлхайнц Вайсман), сожалеет в своей статье, что Распай с его новым предисловием «превращает» роман в «политический памфлет». Чуть такого рода, вероятно, возникает, когда левые видят, что жестокая действительность постепенно вынуждает их повернуться к их старым дням, но при этом никак не могут отказаться от своего старого любимшегося жеманства.

На это можно было бы возразить тем, что такие книги определенно не пишут только из чисто художественно-беллетристических амбиций. Недвусмысленно подчеркнуто, что «Стан избранных» – это осознанно политическая, осознанно политически «опасная» книга, как бы оставленная одиноким партизаном интеллектуальная мина между двумя крышками книжного переплета. Тот ужасный кошмар, который, по признанию самого Распая, тяготел над ним во время написания романа, переносится со всей своей тяжестью также на читателя, тем более, что здесь говорится о действительности, которая придвинулась к угрожающе видимой близости.

При этом необходимо также увидеть гигантскую измену, которую в настоящее время элиты западного мира совершают по отношению к их народам. Изображенная Распаем сардоническая карикатура господствующего повсюду леволиберального психоза, который ежедневно поднимает новые абсурдные головы гидры, быстро заставляет смех застрять в горле. Его книга также вполне пригодна для того, чтобы пробудить ярость к лишившемуся рассудка политическому и медийному классу, который сегодня вполне осознанно ведет отнюдь не одну только Германию к гибели. После прочтения романа для читателя окончательно станет вопросом самообладания, сможет ли он спокойно вынести то улыбающееся глупое лицо, с которым Кристиан Вульф желает появления «пестрой» Германии, «частью» которой (или наоборот?) стал ислам.

«По данному поводу» SiN на следующей странице еще раз публикует эссе Распая 2004 года «Отечество, преданное республикой».

Жан Распай

Отечество, преданное республикой

Le Figaro, 17.6.2004

Я осторожно кружил вокруг этой темы, как проводник служебной собаки вокруг посылки с бомбой. Трудно приблизиться непосредственно к ней, чтобы она не взорвалась тебе прямо в лицо. Есть опасность умереть гражданской смертью. Но речь здесь идет о жизненно важном вопросе. Я медлил. Также и потому, что я уже в 1973 году высказал почти всё об этом, когда опубликовал свой роман «Стан избранных». И мне нужно добавить лишь очень мало, кроме того, что яйцо уже давно разбито на сковороде.

Так как я убежден в том, что судьба Франции уже предопределена, ибо «мой дом также и их дом» (Миттеран) в «Европе, корни которой так же мусульманские, как и христианские» (Ширак), так как нация неудержимо движется к своей окончательной гибели, если в 2050 году «коренные французы» составят только чуть больше самой старой половины населения страны, в то время как остаток будет состоять из черных или магрибских африканцев и азиатов из всех неистощимых уголков Третьего мира, при преобладании ислама в его фундаменталистской и джихадистской форме. И этот танец как раз только что начался.

Это коснулось не одной только Франции. Вся Европа шагает к своей смерти. Предупреждения подкрепляются докладами ООН (которые некоторые встретили с ликованием), особенно обязательными к прочтению работами Жан-Клода Шенэ и Жака Дюпашье. Тем не менее, о них систематически умалчивают, в то время как Национальный институт демографических исследований (INED) распространяет дезинформацию.

Почти кладбищенское молчание средств массовой информации, правительств и городских администраций о демографической катастрофе Европейского Союза – это один из самых удивительных феноменов нашего времени. Каждый раз, когда в моей семье или в кругу моих друзей кто-то рождается, я не могу смотреть на этого ребенка, не думая при этом о той судьбе, которая угрожает ему благодаря беспечности наших «правительств», и с которой ему придется столкнуться, когда он достигнет взрослого возраста.

Из-за пренебрежения к коренным французам, которых оглушают грохочущими тамтамами [прав человека](#), из-за «открытости к другим», из-за призыва «делиться», который так дорог нашим епископам, и т. д.; загнанные в угол всем репрессивным арсеналом так называемых «антирасистских» законов, из-за выработки уже у самых маленьких условных рефлексов для беспрекословного принятия культурного и общественного «разнообразия» и смешивания, из-за

требований «плюралистической Франции» и всех этих жалостей старого христианского сострадания, у нас скоро больше не будет никакой другой возможности, кроме как умерить наши претензии и без ворчания позволить расплавить нас в литейной форме этого нового французского «гражданина» 2050 года.

Тем не менее, давайте не будем отчаиваться. Без сомнения, останется то, что этнология обозначает как «изоляты», сильные меньшинства численностью, вероятно, пятнадцать миллионов французов – из них вовсе не обязательно все белой расы – которые еще в некоторой степени полностью владеют нашим языком и которые будут придерживаться нашей культуры и нашей истории, как они получили их в наследие через поколения. Это будет для них не легко.

Ввиду различных «общностей», которые сегодня образуются из обломков интеграции (или ее прогрессивного изменения в обратную сторону: теперь это уже скорее мы, которые должны подстраиваться под «других», чем наоборот) и которые до 2050 года также на длительный срок и без сомнения закрепятся также в институциональном отношении, здесь до определенной степени – и я ищу здесь подходящее понятие – речь будет идти об общности непрерывности французского языка. Она будет черпать свою силу из семей, из их норм рождаемости, из необходимой для выживания эндогамии, из ее школ, ее действующих параллельно солидарных сетей, даже из ее географических областей, ее территориальных частей, ее районов, даже из ее безопасных районов укрытия, и – почему бы и нет? – также из ее христианской и католической веры, если эта вера, если повезет, как-то сохранится до тех времен.

Тем самым они не приобретут себе друзей. Столкновение случится раньше или позже. Как уничтожение кулаков подходящими законными средствами. А потом? Тогда Франция, в которой смешаются все этнические истоки, будет населена только лишь раками-отшельниками, которые будут жить в брошенных раковинах навсегда исчезнувшего вида, который когда-то называли «французами», и который ни в коем случае не может считаться, например, генетически мутировавшими предками тех, кто во второй половине этого столетия будет приписывать себе их имя. Этот процесс уже начался.

Существует еще вторая гипотеза, которую я не смог бы формулировать иначе чем частным образом и только посоветовавшись с моим адвокатом, а именно, что последние изоляты продержатся до провозглашения реконкисты, которая хотя и будет, без сомнения, отличаться от испанской реконкисты, но будет вдохновляться такими же мотивами. Об этом стоило бы написать рискованный роман. Это задание не достанется мне, так как я уже внес свой вклад. Возможно, автор этого романа еще не родился, но в нужный момент эта книга увидит свет, в этом я уверен.

То, что я не могу понять, что сталкивает меня в пропасть печальной растерянности, это вопрос, как и почему так много хорошо знакомых с этими фактами французов и так много французских политиков сознательно, методически и прямо-таки циничным способом ускоряют неминуемое принесение определенной Франции (позволяете нам в этом месте отказаться от прилагательного «вечная», который возбуждает так много нежных душ) в жертву на алтаре утрированного утопического гуманизма.

Я задаю себе тот же вопрос ввиду вездесущих организаций, которые борются за права то одних, то других, всех этих фондов, мозговых центров и субсидируемых учреждений, сетей из манипуляторов, которые просочились в каждое колесико государства (образование, управление, политические партии, профсоюзы и т. д.), бесчисленных заявителей, дружно дующих в одну корректную дуду средств массовой информации, и всех этих представителей «интеллигенции», которые изо дня в день безнаказанно впрыскивают свой парализующий яд во все еще здоровое тело французской нации.

Если я также до определенной степени не могу оспаривать определенную искренность этих полных энтузиазма усилий, то мне иногда все же причиняет боль признавать то, что они тоже мои земляки. Я почти хотел бы назвать их перебежчиками, но есть и другое объяснение: они путают Францию с республикой. «Республиканские ценности» пришли в невероятный упадок, мы все знаем это до отвращения, но никогда в отношении Франции. Так как Франция – это прежде всего отечество из плоти и крови. Республика же, напротив, которая является не больше чем просто одной из форм правления, для них полностью равнозначна некой идеологии, определенной идеологии как таковой. Мне кажется, что они, до определенной степени, предают отечество ради республики.

Из потока документов, которые я собираю в толстых папках, чтобы обосновать этот приговор, стоит процитировать один, который освещает масштаб ущерба, даже если он выглядит как честолюбивый ребенок. Он происходит из речи Лорана Фабиуса, которую тот произнес 17 мая 2003 года на социалистическом конгрессе в Дижоне: «Если у изображения нашей Марианны в ратушах будет прекрасное лицо молодой француженки иммигрантского происхождения, то Франция поставит новую веху на пути к реализации республиканских ценностей».

Если мы уже пришли к цитатам, вот еще две, в завершение: «Никакое, даже самое большое количество атомных бомб не сможет задержать поток миллионов людей, который однажды покинет самые южные и самые бедные части мира в борьбе за свое выживание, чтобы обрушиться на относительно пустые и богатые пространства северного полушария». (Президент Алжира Хуари Бумедьен, март 1974 года.)

И вот еще это, из Откровения Иоанна Богослова, глава 20, стихи 7-9: «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской. И вышли на широту земли, и окружили стан святых и город возлюбленный. И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их».

Посвящается Элеоноре Марии, родившейся 31 января 2011 года. (М. Л.)

Перевод с немецкого, 2020 г. На русском языке публикуется впервые!

Источник: <https://sezession.de/23452/jean-raspail-und-das-heerlager-der-heiligen>

Библиотека Велесова Слобода, 2020 г.